

бодростию выступилъ въ поле, взялъ Овручъ, Житомиръ, города Кіевскіе и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра⁽²⁷¹⁾: онъ имѣлъ время призвать Моголовъ, соединилъ съ Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнаннымъ Княземъ Лудкимъ Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; верстахъ въ 25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но отборная дружина Литовская, ударивъ съ боку на Россіянъ, смела ихъ. Олегъ положилъ голову на мѣстѣ битвы: Левъ также. Станиславъ и Романъ ушли въ Рязань; а Гедиминъ, отдавъ всю добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жители не теряли надежды и мужественно отразили нѣсколько приступовъ; наконецъ, не видя помощи ни отъ Князя Станислава, ни отъ Татаръ, и зная, что Гедиминъ шадитъ побѣжденныхъ, отворили ворота⁽²⁷²⁾. Духovenство вышло со крестами, и вмѣстѣ съ народомъ присягнуло быть вѣрнымъ Государю Литовскому, который, избавивъ Кіевъ отъ ига Моголовъ, оставилъ тамъ Намѣстникомъ племянника своего, Миндова, Князя Голшанскаго, Вѣроу Христіанина, и скоро завоевалъ всю южную Россію до Путивля и Брянска.»

Сіе повѣствованіе Историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ свидѣтельствахъ⁽²⁷³⁾. Оно тѣмъ сомнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а Князь Россійскій⁽²⁷⁴⁾. Не зная, когда именно Литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество утратило, и на-долго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ Св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ Грековъ!.... Что касается до Княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному сказанію Литовскаго Историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Объ нихъ-то Король Поль-

Томъ IV.

скій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII⁽²⁷⁵⁾: «Извѣстно Ваше Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ Князей Россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости Татаръ. Сіи жестокие враги Христіанства безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть Россіею смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности.» Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Данилова. Въ дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ Великимъ Магистрамъ Ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатами Епископа, Княжескаго пѣстуна и Воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи*, обязываясь предохранять землю Рыцарей отъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владимірѣ, то во Львовѣ⁽²⁷⁶⁾. Бояре, въ малолѣтство его управляя Княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ и Россійскимъ*⁽²⁷⁷⁾; жилъ въ Вильнѣ, имѣ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя Вѣру Греческую, и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митрополита Московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: «Одолѣвая Христіанъ въ битвахъ, я не хочу истреблять Вѣрныя, а только защищаюсь отъ враговъ, подобно всѣмъ другимъ Государямъ. Мо-

Послѣдній Князь Галицкій.

Характеръ Гедимина.

нахи Доминиканскіе и Францисканскіе окружають меня: даю имъ волю учить и крестить людей въ моемъ Государствѣ; самъ вѣрю Святой Троицѣ, желаю повиноваться тебѣ, Главѣ Церкви и Пастырю Царей; ручаюсь и за моихъ Вельможъ: только усмири злобу Нѣмцевъ⁽²⁷⁸⁾,» и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ извѣстіемъ, отправилъ въ Литву Епископа Алетскаго, Вареломея и Бернарда, Игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прускаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ имъ: «Я не знаю вашего Папы и знать не желаю. Исповѣдую Вѣру моихъ предковъ, и не измѣню ей до гроба.» Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ Исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовывать народъ свой; позволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебряниковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцевъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность лич-

ную и цѣлость собственности, которую они приобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ Гражданское Право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для Христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя Монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сія обстоятельство извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Ростокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію⁽²⁷⁹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся древняя область Кривская, или нынѣшняя Бѣлорусія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его, Воиномъ, приѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Θεодоръ Святославичъ, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава⁽²⁸⁰⁾.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНИЛОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Г. 1328 — 1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новгородскія. Закамское серебро. Политика Новгорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбой Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымъ городомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

г. 1328. Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опо-

чили отъ истомы и насилій долговременныхъ⁽²⁸¹⁾ — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе, занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые

примѣромъ Твери, гдѣ Шевкаль былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ униженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славить Бога за оное.

Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ Россійскій: Димитрій Александровичъ жилъ въ Переславѣ Залѣскомъ, Михаилъ Ярославичъ въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даниловичъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и кathedра Митрополіи ⁽²⁸²⁾: ибо Святій Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и доброго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Іоанну. «Если ты» — говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ Митрополитъ Кипріанъ въ житіи Св. Петра — «если ты успокоишь мою старость, и воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ; Святители захотятъ обитать въ ономъ, и руки его *выдутъ на плеча враговъ нашихъ.*» ⁽²⁸³⁾. Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ на площади первую церковь каменную во имя Успенія Богоматери, при великомъ стеченіи народа. Святій Митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и по-

вѣй Митрополитъ, именемъ Θεογνωсть, родомъ Грекъ, основалъ свою кathedру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городѣ, дотогѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купчлію Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новгородскими ⁽²⁸⁴⁾. Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новгородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячскій Аврамъ, прибывъ въ Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. «И такъ вмѣсто защиты» — отвѣтствовалъ Князь Тверскій — «я нахожу въ васъ гонителей! Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предають своихъ братьевъ! Жизнь суетная и горестная не прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія» ⁽²⁸⁵⁾. Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: «Останься съ нами: клянемся, что тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ тобою.» Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремится на опасность, плѣненный славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи,

Предсказаніе Митрополита.

Милость Хана къ Іоанну.

Великодушіе Псковитяне.

тѣмъ они достопамятнѣ въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымъгородомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравъ⁽²⁸⁶⁾.

г. 1329. Іоаннъ, боясь казаться Хану послушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Константинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичъ. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки⁽²⁸⁷⁾; но вида, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнувъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, устранила народъ. Однакожъ граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилава. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. «Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради меня!» сказалъ онъ имъ со слезами: «иду изъ вашего града, освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы.» Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горестъ была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Солога, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удался. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіане не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ⁽²⁸⁸⁾, гналъ своего родственника и заставилъ Оеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи. — Новгородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и спѣшили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ

Посла, а вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую⁽²⁸⁹⁾. Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новгородское Правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Страхъ, наведенный Іоанномъ на г. 1330 Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: — 1332. ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился⁽²⁹⁰⁾. Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ: то есть, отложились отъ Новгорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ Арсенія, послали его ставиться къ Митрополиту, бывшему тогда въ Вольніи. Александръ Михайловичъ и самъ Гедиминъ убѣждали Оеогноста исполнить волю Псковитянъ; однакожъ Митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ тоже время — съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвятилъ Архіепископа Василя, избраннаго Новгородцами, коего Епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, должна была заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ Митрополита, уважая въ немъ Главу Духовенства, но хотѣлъ перехватить Архіепископа Василя и Бояръ Новгородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Вольніи, такъ, что они едва могли спастись, избравъ иную дорогу, и принуждены были откупиться отъ Кіевского неизвѣстнаго намъ Князя Оеодора, который гнался за ними до Чернигова съ Татарскимъ Баскакомъ.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ Орду доказывая свою преданность Хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ вѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ⁽²⁹¹⁾. Зная, что Новгородцы, торгуя на границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ она-бро. го для себя, и получивъ отказъ, вооружился, собралъ всѣхъ Князей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, г. 1333. Торжекъ, и разорялъ окрестности. Тщетно, Новгородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе: онъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и самъ Архіепископъ Василій,

ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умиловити. Новгородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, незаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвъ уѣхалъ тогда къ Хану.

Сія опасность заставила Новгородцевъ примириться съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ пародъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новгородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственныя союзы съ Іоанномъ Даниловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона⁽²⁹²⁾, дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасію). Еще въ 1331 году (какъ рассказываетъ одинъ Лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ Архiepископа Василія и Бояръ Новгородскихъ, ѣхавшихъ въ Вольнію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе⁽²⁹³⁾. Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обстоятельствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ Новгородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ Удѣльнымъ Княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Іоанна столько же, сколько и виѣншихъ враговъ: Политика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная Моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новгородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстивъ Новгородцевъ, что онъ уже Христіанинъ и желаетъ *доклониться Св. Св. Софій*. Народное Вѣче отправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало

ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину и въ дѣдину*, съ правомъ наследственнымъ для его сыновей и внуковъ⁽²⁹⁴⁾. Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Однакожь Новгородцы все еще г-1334. стали утишать гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Феогноста, съ коимъ дѣятельный Архiepископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимирѣ⁽²⁹⁵⁾. Іоаннъ, возвратясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Іоаннъ позвалъ въ Москву Архiepископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ такимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ Новгородцами г-1335. вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить Псковитянъ, исполняя волю Татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до нѣкаго времени.

Спокойные съ одной стороны, Новгородцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ дома и села нѣкоторыхъ Бояръ⁽²⁹⁶⁾: въ семь году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ раждало сіи частныя мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпокойной и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую: мечи и копы сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастью, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялись на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на